

ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ

М.А. ШАБАНОВА

Татьяна Заславская как экономист и социолог: путь в науку и жизнь в науке

В статье предпринята попытка осмыслить творческий путь одного из ведущих российских социальных экономистов и социологов Т. Заславской (1927–2013) в тесной связи с особенностями ее социализации и профессионализации, гражданской позицией, а также с традицией наставничества ее учителей и ее самой как Учителя и создателя собственной научной школы. Обозначены ключевые идеи экономического и социологического этапов научной деятельности, показана их преемственность, расширение и усложнение предмета научных поисков. Особое внимание уделяется современному значению разработанных в разные годы концепций и теорий для социальной экономики, экономической и общей социологии, междисциплинарного осмысливания посткоммунистических трансформаций.

Ключевые слова: Заславская, социальная экономика, экономическая социология, Новосибирская экономико-социологическая школа, социальные механизмы, посткоммунистические трансформации.

DOI: 10.31857/S086904990002752-9

Авторитет Татьяны Ивановны Заславской как выдающегося ученого, крупнейшего специалиста в области социологии и социальной экономики, методологии социальных исследований, со времени кончины которой прошло уже пять лет, по-прежнему огромен. Ее труды продолжают издавать, цитировать, находить в них ответы на вновь возникающие вопросы. В разные годы она избиралась членом Академии Европы, академии Европейского Средиземноморья, Польской Академии наук, членом исполнкома Международного социологического института, получила ученые степени почетного доктора ряда американских и европейских университетов, стала лауреатом премии им. Карпинского (Фонд FFS, Гамбург).

Не забыта Заславская и как Учитель – создатель и лидер Новосибирской экономико-социологической научной школы (НЭСШ), воспитавшей не одно поколение отечественных социологов. Она способствовала и институционализации социологического образования в России, и созданию первого высокопрофессионального Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ, ныне – Левада-Центр), который Заславская возглавляла в 1987–1992 гг., заложив со своими коллегами методологические и методические основы регулярных исследований общественного мнения в нашей стране.

Можно сказать, что подготовленный Заславской в 1983 г. для семинара в Новосибирске доклад “О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии” (так называемый “Новосибирский манифест”) с его

Шабанова Марина Андриановна – доктор социологических наук, профессор факультета экономических наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ); ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: mshabanova@hse.ru

по тем временам “идеологически порочным” выводом о невозможности улучшения существовавшей тогда социально-экономической системы в рамках прежних общественных отношений стал в известном смысле предвестником тех преобразований, которые через несколько лет получат название “перестройка”. Не случайно и то, что Татьяна Ивановна тогда была замечена М. Горбачевым. Уже в Москве она принимала активное участие в развернувшихся тогда преобразованиях, стала одним из народных депутатов СССР и, как тогда называли таких людей, “прорабом перестройки”.

Наследие Заславской масштабно и многогранно. Каждый из ее учеников, коллег, соратников и последователей может искать и находить в нем те особенные “кирпичики”, которые помогают ему двигаться дальше. Но, осмысливая сегодня творческий путь Татьяны Ивановны, как мне представляется, важно обратиться не только к ее творческому наследию, но и попытаться понять путь ее становления как ученого, начиная с детских впечатлений, с особенностей той среды, в которой она формировалась. Огромный материал для этого дают воспоминания самой Заславской. К сожалению, изданные небольшим тиражом [Заславская 2007¹]. Поэтому начать статью хотелось бы с ряда биографических данных, ярко высвечивающих ее черты и как человека, и как ученого, и как учителя-наставника, и в то же время наглядно показывающих, что все мы “родом из детства”.

Семья

Воспоминания Татьяны Ивановны о своем детстве, о семье дедушки Георгия де Метца – профессора, бывшего одно время деканом физического факультета Киевского университета Св. Владимира, известного “не только как международно признанный ученый, но и как высокопорядочный человек, не запятнавший себя ни одним сомнительным поступком” (с. 13), открывают нам, как формировались ее черты и ученого, и высокоморального человека, готового в самых сложных ситуациях отстаивать свои убеждения и в то же время быть внимательной к окружающим. Можно считать сама атмосфера семьи деда, в которой выросла и мама Татьяны Ивановны (Татьяна Георгиевна), передавшая впитанные ею принципы и многие знания своей дочери, была атмосферой того слоя высшей дореволюционной научной интелигенции, которому были присущи и жажда познания нового, и высокие моральные принципы, и стремление служения своему Отечеству, и потребность помочь обездоленным. Все эти качества Заславская органично впитывала с самого детства и являла пример той высокой дореволюционной культуры, носители которой, к сожалению, в последующие десятилетия российской истории почти не сохранились. О своем детстве и воспитании Татьяна Ивановна вспоминает, что воспитывавшие ее члены семьи делали это деликатно, ненавязчиво, незаметно, но целенаправленно и серьезно. Особо запомнились вечерние чтения вслух тщательно подобранный взрослыми литературы со сложными ситуациями и выборами (не просто между Добром и Злом, а между разными видами Зла, оценивая какое из них страшнее). Обсуждались разные противоречивые ситуации и в жизни, и на страницах книг. А главное – перед глазами был повседневный пример старших членов семьи (“нельзя требовать что-то для себя в ущерб другим, вести себя развязно, шуметь, мешать взрослым, жадничать, дразниться, не говоря о более серьезных проступках”), дающий наглядный пример широко понимаемого гуманизма (с. 24, 45).

Татьяна Ивановна была твердо убеждена в том, что именно на этом самом раннем этапе жизни были заложены основы тех базовых ценностей, которым она следовала всю жизнь. “Система этих ценностей включала действенную любовь к близким и сочувствие людям, честность, порядочность, личное достоинство, чистую совесть. Менее осознанной, но все же уже сложившейся, была ценность знаний, образования и науки как самой достойной и интересной сферы человеческой деятельности. И это не удивительно, ведь мы с раннего детства были окружены учеными… Другой столь же почетной сферы деятельности мы просто не знали” (с. 25).

¹ Далее ссылки на страницы тома воспоминаний даются в круглых скобках.

Ученым был и отец – Иван Васильевич Карпов, происходивший из семьи старообрядцев среднего достатка. По окончании философско-педагогического факультета Киевского университета, он получив звание профессора, разрабатывал успешно развивавшуюся до середины 1930-х гг. комплексную междисциплинарную науку педологию, стремившуюся объединить медицинские, психологические, педагогические и иные знания о развитии ребенка (с. 20). Но так как в 1931 г. в Киеве началась украинизация образования, профессор Карпов с семьей решил переехать в Москву. Так окончилось счастливое киевское детство Татьяны Ивановны. Но принципы, заложенные тогда, сохранились. И в дальнейшем особую роль в воспитании дочерей (Татьяны и Майи) продолжала прежде всего мать. Она трагически погибла 21 июля 1941 г. во время первой же бомбардировки Москвы. Но на всю жизнь для Татьяны Ивановны мама оставалась главным моральным ориентиром. Примечательно, что после гибели жены отец в письме родным пишет о ее представлениях о настоящем человеке. Мы, ученики Заславской, прочли его лишь в 2007 г. и не раз поражались тому, как моральные ориентиры мамы Татьяны Ивановны спустя десятилетия практически дословно используются самыми разными людьми при характеристике личности ее самой. Эти характеристики таковы: «...благородство, высокое чувство собственного достоинства; стремление к систематическому развитию своих способностей, постоянное самообразование, расширение культурных интересов, изучение иностранных языков; готовность к любой, даже “черной”, грязной и тяжелой работе, если она нужна; отвращение к халтуре; стремление любую работу выполнять отлично, стремиться понять ее смысл, внести в нее улучшения; доброжелательность, гуманизм, стремление видеть в каждом человеке то, что в нем есть хорошего; любовь к природе, животным и всему прекрасному, умение активно создавать красоту; гармония внутреннего и внешнего, нежелание обманывать, лицемерить, притворяться, хитрить, льстить, пускать пыль в глаза» (с. 125).

Еще одно важное сходство Татьяны Ивановны с ее мамой – отношение к окружающим и с окружающими. Коллеги и ученики Татьяны Ивановны, все те, с кем она ездила в многочисленные экспедиции, работала много лет или просто бегло беседовала, теми же словами могли бы охарактеризовать и саму Заславскую. А она пишет о маме: “Мне кажется, что одним из главных секретов ее обаяния и особого влияния на окружающих было редкое сочетание высокой культуры, глубины знаний и широты интересов с подлинно демократическим отношением к людям – благожелательностью, открытостью, доступностью и деятельным сочувствием каждому. В обращении с окружающими (рабочими, мелкими служащими, домохозяйками или деревенскими родственниками) мама была абсолютно проста. В ней не было ни тени важности, снисходительности, зазнайства. Все, с кем она общалась, от сантехника до директора института, чувствовали, что она относится к ним, как равная к равным. Казалось бы, рядом с человеком такой культуры простые люди должны были чувствовать себя пигмеями, внутренне сжиматься. А они, наоборот,правлялись и открывались, чувствовали себя с нею, как другие, но равные” (с. 79).

Собственно, такой мы и знали Татьяну Ивановну, а теперь знаем и ее маму. И это не случайно. Выступая на вечере, посвященном ее 80-летию (2007 г.), Заславская сказала: “Кровоточащая память о маме осталась со мною на всю жизнь и наложила громадное влияние на формирование моих ценностей. Первые места среди них до сих пор занимают чистая совесть, нравственность, личное достоинство, уважение к людям, не говоря о науке и культуре. Я до сих пор считаю хорошим то, что одобрила бы мама, а плохо то, что она осудила бы”.

Почему при осмыслиении интеллектуального наследия Заславской разговор о маме как о моральном ориентире длиною в жизнь представляется важным? Вот ответ ее самой: “Вклад мамы в формирование наших личностей [Татьяны Ивановны и ее сестры. – М.Ш.] отразился и в наших творческих судьбах, в частности, в том, что в далеком будущем каждая из нас создала свою научную школу. Мне кажется, что твердость моральных норм сыграла здесь не меньшую роль, чем богатство научных идей. Ведь условием создания научной школы служит моральный климат в коллективе, основанный на равной требова-

тельности к себе и другим, дружеской взаимопомощи, доверии друг другу, чистоте человеческих отношений” (с. 45). В самом деле, любая научная школа как институциональное образование так или иначе базируется на определенном ценностном базисе, на общих моральных принципах; без особого способствующего морального климата даже авторитетный научный коллектив вряд ли вырастет в научную школу, несмотря на наличие сильных лидеров. Именно такой особый моральный климат стал важным фактором превращения новосибирского научного коллектива, которым четверть века руководила Заславская, в Новосибирскую экономико-социологическую научную школу.

Учителя и традиция наставничества

Влияние семьи, желание продолжить традицию деда-физика, без сомнения, сказалось на первоначальном выборе научного пути шестнадцатилетней Татьяны Ивановны. В 1943 г. она поступила в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова на физический факультет, где проучилась три года. Однако вскоре пришло понимание: “Это не мой мир. В мире машин, электричества и катодных лучей – я чужой и случайный человек, заблудившийся в темных и враждебных дебрях” (с. 277). В то же время годы учебы на физфаке, по признанию Татьяны Ивановны, не пропали даром: сформировался стиль естественнонаучного мышления, важный и в социальных науках; а знание высшей математики впоследствии не раз помогало при освоении новых методов обработки данных (с. 294). К тому же именно на физическом факультете Татьяна Ивановна встретила одного из своих учителей и наставников на многие годы – *А. Санину*. Она преподавала на факультете политическую экономию капитализма и делала это, по признанию Татьяны Ивановны, очень интересно и захватывающе. Шутливую похвалу со стороны Саниной за блестящее сделанный доклад по проблеме товарного фетишизма (“Послушайте, что она у вас здесь делает? По-моему, ее место не на физическом, а на экономическом факультете!”) Татьяна Ивановна восприняла как момент истины: “Так вот где мое настоящее место, которое я так долго искала!” (с. 291).

Переход с естественного на экономический (идеологический) факультет случился через полтора года после окончания войны – в условиях непростой политической ситуации в стране, когда “чувство гордости за победоносное окончание войны” сочеталось с социально-политическим брожением, вызванным знакомством в последние месяцы войны сотен тысяч советских граждан с уровнем и образом жизни граждан других стран, с возникшим недоумением по поводу причин отставания СССР от “загнивающего капитализма” и, как следствие, – с “закручиванием гаек” Сталиным в отношении интеллигенции. О характере преподавания на экономическом факультете в то время Заславская писала: “...вместо строгой и убедительной теории, раскрывающей внутренние механизмы жизни нашего общества, я встретилась с набором противоречивых и недоказуемых утверждений, который, как и предсказывал папа, не мог претендовать на статус науки” (с. 303). Господствовали догматизм и отсутствие логики, ни один из “экономических законов социализма” на практике почему-то не действовал, а на прямые вопросы преподаватели отвечали уклончиво, да и сама атмосфера, царящая в стране, научила не задавать “неудобных” вопросов. Однако, несмотря на это, Татьяна Ивановна, как и большинство ее новых сокурсников, оценивали свое положение и перспективы весьма оптимистично. В ответ на советы отца вернувшись, пока не поздно, к физике она с уверенностью отвечала себе в дневнике: “Ну, что ж, пусть сейчас это не наука. Но есть же у нее свое место в системе наук? Просто сейчас это место – пустое, и кто-то должен его заполнить. Раз с этим не справились старшие поколения, значит, это должно быть нашей задачей” (с. 303).

Тем не менее и из учебы на экономическом факультете МГУ в то непростое время Заславская извлекает двоякую пользу. Одна связана с традицией этого факультета – глубокой проработкой “Капитала” К. Маркса и усвоением на этой основе логики социального анализа экономики: “По существу, этот спецсеминар был великолепной школой и тренингом научной логики... ” (с. 328). Другая – с погружением в экономику сельского хозяйства, которая определила ее научные интересы на многие годы. Откуда взялся ин-

терес именно к этой дисциплине, преподаванию которой на экономическом факультете уделялось минимальное внимание? Сказалось соприкосновение Татьяны Ивановны с родственниками со стороны отца. Она писала: "...посещая родственников в папиной деревне Зевнево и принимая участие в уборочных работах в колхозах, я видела, что нищета и бесправность крестьян намного глубже, чем городских рабочих. Возникла вопрос, почему социалистический принцип распределения по труду не распространяется на сельскую часть общества?" (с. 333). Заславская записалась в аграрную секцию научного студенческого общества (НСО), где проблемами оплаты труда колхозников никто не занимался, и решила писать курсовую именно по этой теме. Так курсовая работа третьекурсницы "положила начало исследованию, продолжавшемуся 16 лет и закончившемуся докторской диссертацией" (с. 348).

Этот путь не был безоблачным. Чтобы дипломная работа нашла продолжение в кандидатской диссертации, потребовалась помочь Саниной и ее мужа В. Венжера (будущего главного учителя Татьяны Ивановны). Заславская вспоминает, что в конце четвертого курса ее обвинили в каких-то идеологических отклонениях, от нее даже отвернулась часть близких друзей ("я становлюсь неприкасаемой"). Несмотря на красный диплом, ее не рекомендуют в аспирантуру и даже не распределяют преподавателем в вуз, как большинство однокурсников: "Мне предназначен пост экономиста на стекольном заводе в каком-то Козельске, что означает потерю московской прописки и возможности когда-либо вернуться домой... Но тут возникает моя спасительница Сания и с помощью своего мужа Венжера добивается для меня места в Институте экономики АН СССР", – так говорила Заславская об этом периоде своей жизни на презентации трехтомника своих трудов в 2007 г. С 1 августа 1950 г. она стала младшим научным сотрудником сектора сельского хозяйства Института экономики АН СССР.

В Институте экономики АН СССР в течение первых трех лет наставником Татьяны Ивановны был Г. Котов. Возможно, именно ему мы обязаны (хотя бы отчасти) той важной ролью, которая на всех этапах становления Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ) отводилась экспедиционному методу. Еще в 1920-х и начале 1930-х гг. он активно практиковал такие методы сбора информации в конкретных социальных исследованиях села. Проектировать и осуществлять крупные экспедиции, в которых впоследствии регулярно участвовали сотрудники ее научного коллектива, Заславская научилась именно у него. Татьяна Ивановна признает: Котов "был одним из лучших людей, которых мне довелось встретить в жизни. Я благодарна ему за постоянное дружеское внимание, сочетавшееся с высокой требовательностью в работе, за стремление обучить меня методам работы не только с документами, но и с людьми..." (с. 375). Она особо отмечала, что время выездов в село стало временем обретения самых ценных профессиональных качеств, и прежде всего умения не только "поговорить" с интересующим человеком, но и разговорить его до того, что он сам не захочет кончать разговор; и при этом успевать записывать главное. А главное, по признанию Татьяна Ивановны, что на селе она "стала чувствовать себя своей". В ее письме сестре Майе (1951 г.) есть такие строчки: "Какое все-таки счастье, что я прямо из университета попала в такие золотые, умные руки... Я очень довольна и буквально не по дням, а по часам чувствую, как набираюсь сил, все меньше и меньше начинаю бояться самостоятельной работы..." (с. 387).

Еще одно ценное качество Котова как наставника: "...Григорий Григорьевич необычайно точно чувствует пределы моих возможностей и, как и прежде, все время держит меня на самом этом пределе, который постоянно повышается. Вот и сейчас отдает мне эту докладную почти на откуп, ограничиваясь сравнительно общими руководящими указаниями" (с. 401). Наверное, многие из нас могут это же сказать и о принципах работы самой Татьяны Ивановны с учениками, хотя мы почти ничего не знали о наставнике своего Учителя. Каждый из нас, учеников Заславской, получал столько самостоятельности, "сколько мог унести". Одни встречались с ней практически еженедельно, другие – раз в два-три месяца. Однако в любом случае ею всегда поддерживалась работа младших коллег на пределе своих возможностей.

Но главным своим Учителем Татьяна Ивановна считала известного экономиста-аграрника *B. Венжера* – научного руководителя ее кандидатской диссертации и друга на все последующие десятилетия. Описывая методы работы Венжера с аспирантами, она выделяла: индивидуальный подход; разную степень предлагаемой свободы/самостоятельности; стиль общения через вопросы – короткие замечания (соображения). Венжер, прямо не занимавшийся научной проблемой Заславской, “внимательно слушал, задавал вопросы, делал краткие замечания и время от времени, как бы по ассоциации, рассказывал о собственном опыте, проводимом исследовании или о чем-то прочитанном… И странное дело, хотя разговор собственно о диссертации занимал сравнительно мало времени, в результате каждой такой встречи предмет исследования представлял передо мной с какой-то новой стороны, становился более объемным, многогранным, глубоким” (с. 423).

Есть основания полагать, что испытав на себе такие методы наставничества, Татьяна Ивановна впоследствии использовала многие из них и в работе со своими учениками, с коллегами возглавляемого ею большого научного коллектива в новосибирском Институте экономики и организации промышленного производства АН СССР, насчитывающего более 150 человек. В самом деле, не зная о принципах работы с молодежью Венжера, мы в 1998–1999 гг., характеризуя НЭСШ и принципы работы с аспирантами своего Учителя, писали: «Отношения научного лидера с учениками строились по принципу “обучение – беседа”, а не “обучение – лекция”. Т.И. Заславская старалась поддерживать самостоятельный творческий поиск и лишь в случае крайней необходимости корректировала его. Причем делалось это не через готовые рецепты-указания, как и что нужно сделать, а через “проблемные” вопросы-размышления. Так что всегда имелась возможность проявиться и сохраниться индивидуальности, а процесс обучения молодых исследователей представлял как сотворчество с большим Мастером» [Бессонова, Шабанова 1999, с. 129–130; Бессонова, Шабанова 2000, с. 83].

Наверное, каждый исследователь, а тем более начинающий, на определенном этапе работы над научной проблемой нуждается в некоем толчке, в своеобразной “подзарядке”. Мы в этом случае просили о встрече с Учителем и, несмотря на ее плотный график, расписанный на много дней вперед, имели возможность (привилегию!) встретиться в самые ближайшие дни, причем чаще всего после окончания официального рабочего дня. Не припомню, чтобы я приходила на эти встречи с каким-то конкретным вопросом: что делать дальше? как решить ту или иную проблему? Напротив, я просто рассказывала то, что сделала за два-три месяца, Татьяна Ивановна внимательно слушала и задавала вопросы. Наверное, это были какие-то особенные вопросы. Потому что в результате ответных размышлений вслух в голове как-то “сами собой” рождались новые задачи, новые интересные продвижения. Причем, как мне тогда казалось, *самостоятельные* продвижения: о важности хороших и своевременно заданных вопросов по молодости я не догадывалась. Зато хорошо помню свое ощущение после этих встреч: “летишь домой, как на крыльях” и хочется работать и двигаться дальше.

Индивидуальная и неформальная работа с учениками, акцент на личностные беседы и творческий диалог – все это проявления мудрой и эффективной традиции наставничества, которой придерживались и учителя Татьяны Ивановны, и она сама, воспитывая из своих учеников самостоятельных исследователей, которые в будущем смогут сами прокладывать новые пути в науке. Важно также, что Заславской удалось не просто продолжить, но и заметно обогатить традицию наставничества ее учителей: регулярные “мозговые штурмы” в отделе, где первыми всегда заслушивали молодежь; принципы отношений между разными поколениями в научном коллективе; подробные письменные рецензии на замыслы дипломных проектов, которые получали от Татьяны Ивановны все студенты, независимо от того, кто из сотрудников отдела был их научным руководителем, и др.

Наконец, еще одно важное качество, которое Заславская, по ее признанию, переняла у Венжера – *установка на практическое использование результатов научных исследований*. В советские годы “тематика экономических исследований определялась не противоречиями и разрывами в теории (которая из одних только разрывов и состояла), а нерешенными проблемами социальной реальности” (с. 424), наука рассматривалась как

средство преобразования общественной жизни, повышения эффективности экономики и благосостояния людей. Правда, со снятием идеологических и информационных препон, когда резко ускорилось формирование теории, Татьяна Ивановна стала осознавать ограниченность такого подхода, который, по сути, тормозил развитие науки, а “в условиях стагнации теории попытки найти пути практического совершенствования общества были безрезультатны” (с. 424). Однако в ситуации жесткого идеологического давления на общественную науку установка на поиск путей решения конкретных практических проблем была той спасительной соломинкой, которая не позволяла уйти в “научную” холостянику, оторвавшись от реальных тенденций развития российского общества.

Более того, в советское время стремление к познанию объективных социально-экономических закономерностей развития целостных социальных объектов на основе крупномасштабных презентативных эмпирических исследований неизбежно приводило к критике существовавшей социально-экономической системы и поиску путей ее совершенствования. Для Заславской оно увенчалось “Новосибирским манифестом” (1983 г.) с “идеологически порочным” выводом о невозможности улучшения существующей системы в рамках прежних общественных отношений. Этот доклад тогда же был опубликован во многих странах и, как признавали западные ученые, “стал редким примером применения критического марксизма к функционированию советской системы...” [Sakwa 1989, p. 253].

Когда же идеологические и информационные условия изменились, и Венгер, и Заславская сделали крупные продвижения *теоретического* характера (см., например, [Венгер 1990; Заславская 2004; Заславская 2007]). Многие из ее учеников, воспитанные как самостоятельные исследователи, впоследствии также разработали свои теоретические концепции и направления, продолжив традицию НЭСШ в новых условиях (см., например, [Бессонова 1999; Шабанова 2000; Кирдина 2000; Корель 2005] и др.).

Таким образом, называя людей, которые внесли вклад в становление Заславской как исследователя, сыграли судьбоносную роль в ее научном пути, мы глубже видим корни научной Школы, созданной нашим Учителем. Что же касается Венгера и Саниной (шутливо именовавших себя ВенСанами), то Татьяна Ивановна считала их своими вторыми родителями (с. 417–426). Спасибо им!

(Окончание следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессонова О.Э. (1999) Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, ИЭ и ОПП СО РАН.
- Бессонова О.Э., Шабанова М.А. (2000) Новосибирская экономико-социологическая школа // Социологические исследования. № 8. С. 79–88.
- Бессонова О.Э., Шабанова М.А. (1999) Новосибирский социологический коллектив как научная школа // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. С. 121–138.
- Венгер В.Г. (1990) Как было, как могло быть, как стало, как должно стать: Вопросы истории нашего строя. М.: Наука.
- Заславская Т.И. (2004) Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело.
- Заславская Т.И. (2007^a) Избранные произведения в 3-х томах. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М.: Экономика.
- Заславская Т.И. (2007^b) Избранные произведения в 3-х томах. Т. 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика.
- Кирдина С.Г. (2000) Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Корель Л.В. (2005) Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука.

Tatyana Zaslavskaya as an Economist and Sociologist: The Way to Science and Life in Science

M. SHABANOVA*

***Shabanova Marina** – professor, Faculty of Economic Sciences; leading research fellow, Centre for studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya St. Moscow, 101000, Russian federation. E-mail: mshabanova@hse.ru

Abstract

The paper seeks to generate insights as to the way made to science and life in science by one of Russia's leading social economists and sociologists T.I. Zaslavskaya (1927–2013). Zaslavskaya's way to science is described in connection with her socialization and professionalization, her civic position as well as with the mentoring traditions of her teachers and herself as the Teacher and a founder of her own school of thought. The paper identifies the consistency of key concepts integral to the economic and sociological periods of Zaslavskaya's academic career and points out the growing expansion and complexity of her research area. Special emphasis is made on the up-to-date significance of the concepts and theories developed by Zaslavskaya over years for social economics, economic and general sociology and an interdisciplinary conceptualization of post-communist transformations.

Keywords: Zaslavskaya, social economics, economic sociology, Novosibirsk School of Economic Sociology, social mechanisms, post-communist transformations.

REFERENCES

- Bessonova O.E. (1999) *Razdatok: institutsiional'naya teoriya khozyaystvennogo razvitiya Rossii* [Razdatok: the institutional theory of economic development of Russia]. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN.
- Bessonova O.E., Shabanova M.A. (2000) Novosibirskaya ekonomiko-sotsiologicheskaya shkola [Novosibirsk School of Economic Sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 79–88.
- Bessonova O.E., Shabanova M.A. (1999) Novosibirski sotsiologicheskiy kollektiv kak nauchnaya shkola [The Community of Economic Sociologists of Novosibirsk as a School of Thought]. *Sotsial'naya traektoriya reformiruemoy Rossii: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly*. Otv. red. T.I. Zaslavskaya, Z.I. Kalugina [The Social Trajectory of Reforming Russia: Studies of the Novosibirsk School of Economic Sociology. Ed. by T.I. Zaslavskaya, Z.I. Kalugina]. Novosibirsk: Nauka. pp. 121–138.
- Kirdina S.G. (2000) *Institutsiional'nye matritsy i razvitiye Rossii* [Institutional Matrices and the Development of Russia]. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN.
- Korel' L.V. (2005) *Sotsiologiya adaptatsiy: Voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of Adaptations: Theory, Methodology and Methods]. Novosibirsk: Nauka.
- Sakwa R. (1989) *Soviet Politics*. An Introduction. London; New York: Routledge.
- Shabanova M.A. (2000) *Sotsiologiya svobody: transformiruyushchesya obshchestvo* [The Sociology of Freedom: Transforming Society]. Moscow: MONF.
- Zaslavskaya T.I. (2004) *Sovremennoe rossiyskoe obshchestvo: Sotsial'nyy mekhanizm transformatsii* [Contemporary Russian Society: Social Transformation Mechanism]. Moscow: Delo.
- Zaslavskaya T.I. (2007^a) *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works], t. 2. Transformatsionnyy protsess v Rossii: v poiske novoy metodologii [Vol. 2. The Transformation Process in Russia: In Search of a New Methodology]. Moscow: Ekonomika.
- Zaslavskaya T.I. (2007^b) *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works], t. 3. *Moya zhizn': vospominiya i razmyshleniya* [Vol. 3. My life: memoirs and reflections]. Moscow: Ekonomika.